

Германия на двадцать дней

(Впечатления от поездки в Лодзь).

II.

Лодзь—город скорспёлка, без исторических воспоминаний. В начале XIX века это был небольшой поселок, в котором едва насчитывалось 400 человек жителей. Теперь это—огромный фабричный и заводской центр, с полумиллионным населением и с сотнями миллионов рублей оборота в год. Между прочим особенно много дёло ведёт Лодзь именно с Германией: в городе значительная часть жителей поимает по-нѣмецки, на улицах не редкость—нѣмецкия вывески, а в ресторанах и кафе—нѣмецкия надписи. Главная артерия Лодзи—длинная, на много верст тянущаяся улица; в своей средней, и лучшей, части она называется Петровская; в других частях носитъ иныя названия (Ново-нѣвская и т. под.). Эта улица оставлена высокими домами, «в берлинскомъ вкусь», с громадными зеркальными витринами магазиновъ, с роскошными отелями, которые сдѣлали бы честь Петрограду, с пышными кафе, с бесчисленными кинематографами. На Петровской улицѣ, словно на Невскомъ,—постоянное оживление. Вереницы людей сплошнымъ строемъ движутся непрерывно в томъ и другомъ направлении: одни спѣшатъ по дѣлу, другіе просто «флаируютъ»; летятъ извозчики и автомобили.

Населеніе Лодзи—сплошь люди дѣловые. Кромѣ цѣлой армии фабричныхъ рабочихъ (до 200,000), остальные—купцы, фабриканты, заводчики, служащіе у нихъ, комиссионеры, агенты, маллеры, и т. п. По национальности населеніе смѣшанное: поляки, нѣмцы, русскіе, евреи, и это ведётъ къ розни и распрямъ. Но въ обычное время всѣхъ примиряетъ единый общій кумиръ: нажива. Деньги—вотъ истинная душа Лодзи, этого русскаго «американскаго города».

Понятно поэтому, какой ударъ нанесла Лодзи война и связанныя съ ней эвакуация города правительственными учреждениями. Согласно съ общимъ планомъ кампаніи (дальновидность которой всѣ нѣмцы возмужество въсплѣтствіи опѣнять) Лодзь была временно опущена отъ нашихъ войскъ. Изъ города выѣхали Государственный банкъ и судебныя установления; была выведена полиція, закрыта биржа и т. д. Всѣ привычныя лодзянамъ формы жизни вдругъ какъ бы распались. Лодзь была предоставлена собственнымъ силамъ, и ей пришлось заново, съ самаго начала, организовывать весь строй своей жизни.

Была пора, когда жители Лодзи совершенно растерялись. Особенно уру-

чало всѣхъ отсутствіе денегъ. Съ выѣздомъ Государственнаго банка изъ обращенія быстро исчезла не только разменная монета, но и мелкия кредитки. На рукахъ у людей состоятельныхъ остались свидетельства на влады и процентныя бумаги, но нельзя же было въ мелочныхъ лавочкахъ расплачиваться тысячерублевыми облигациями! Въ ресторанахъ не отпускали обѣда, пока посетитель не заплатитъ впередъ полтора рублей; а то онъ предложитъ въ уплату сторублевою бумажку или, того хуже, акцію какого-нибудь банка. Въ магазинахъ отказывались давать сдачи, и покупатель долженъ былъ брать товара на всю ту ассигнацію, которую имѣлъ въ своемъ распоряженіи: на 3, на 5, на 10 рублей. Крайне тяжело было положеніе бѣдняковъ, которые не пользовались никакимъ кредитомъ и рассчитывали каждый лишній гривенникъ.

На помощь пришли вышнія коммерческія учрежденія: биржевой комитетъ, купеческое общество и банки («Торговой» и «Купеческій»). Они выпустили въ обращеніе свои, лодзянскія деньги,—особые «боны», цѣнностью въ 1 р., 50 коп. и 20 коп. «Боны» это—маленькіе билетики, имѣющие видъ обыкновенныхъ купоновъ. На каждомъ изъ нихъ напечатано: «Нижепоменованныя учрежденія уплатятъ предъявителю столько-то (указана сумма) черезъ три мѣсяца послѣ подписанія договора о мирѣ». Боны обезпечены болѣе чѣмъ въ двойномъ размѣрѣ цѣнностями, хранящимися въ банкахъ» (слѣдуетъ подписи). Эти боны выдавались только лицамъ, внесшимъ въ банкъ обезпеченіе «болѣе чѣмъ въ двойномъ размѣрѣ». Такъ, напримѣръ, лицо, представившее процентныхъ бумагъ на 2,000 р., получало бонувъ на 900 руб. (половину за вычетомъ 10%). Излишекъ предназначался на уплату контрибуціи, которую могли потребовать съ Лодзи нѣмцы, и на общегородскіе расходы. Боны легко привились среди населенія города, и привычное денежное обращеніе было возобновлено.

Другимъ источникомъ тревоги для лодзянъ было отсутствіе въ городѣ полиціи. Фабрикантамъ, заводчикамъ, вообще богатымъ людямъ казалось, что въ Лодзи неминуемо начнутъ и грабежи вскакого рода и безчинства. Многие съ ужасомъ ожидали полнаго разгрома своихъ домовъ и своего имуществва. Къ этому присоединялось смущеніе отъ отсутствія въ городѣ судебныхъ установлений, растерянность отъ неизвѣстности, кто поведетъ въ эти трудные дни городское хозяйство и т. п. Въ этомъ отношеніи выручили «общественный комитетъ» и организованная имъ «милиція».

Лодзянская милиція за тотъ періодъ времени, что городъ оставался безъ властей, выросла въ цѣлую съѣтъ учреждений, взявшихъ въ свои руки всѣ функции городской жизни. Всего на службу въ милицію (службу, конечно, безвозмездную) было привлечено до

10,000 человекъ. Они были раздѣлены на роты: рядовыхъ милиціонеровъ (или «милиціантовъ», какъ говорили въ Лодзи), начальниковъ районовъ, членовъ комитетовъ и т. д. Отличительнымъ знакомъ милиціонеровъ былъ повязки на лѣвой рукѣ, смотря по зимаемому рангу: бѣлая, синяя, желтая, зеленая съ бѣлымъ кругомъ. Горь были раздѣлены на 9 районовъ, въ каждомъ имѣлся свой штатъ милиціи.

Рядовые милиціонеры были полицейскую службу. Они дежурили на улицахъ, регулируя движеніе экипажей и пѣшеходовъ, сторожили да ночью, арестовывали подозрительныхъ лицъ и т. д. По общему признанію, милиція прекрасно справлялась съ свои задачей. Порядокъ въ городѣ все время сохранялся, а число преступленій даже уменьшилось (хотя на это шли вліяніе и другія причины). Въ первые дни своего существованія милиція даже изловила 5—6 опасныхъ бандитовъ, которые давно терроризировали окрестное населеніе и за поимку которыхъ са давно объявлена награда.

Комитеты милиціи приня на себя обязанности судейскія. Въ порайонныхъ комитетахъ разбирали дѣла мелкія: уличныя кражи, буйва, нарушенія постановленій комитета и т. п. Въ центральномъ комитетѣ дѣла болѣе важныя, при рѣшеніи которыхъ надо было допрашивать свидѣтелей. Наказанія, налагаемыя комитетами, состояли въ штрафы и тюремное заключеніе. Никакой амниціи на постановленія не допускалось. Для разбора дѣ «гражданскихъ» были учреждены особые комитеты помобовнаго раздѣла, кдѣй въ составъ четырехъ лицъ: одногообывателя, одного рабочаго, одного иста и председателя даннаго порайонаго комитета.

Далѣе были учреждены: комитеттанитарный, два комитета по финансовымъ дѣламъ и комитетъ вѣдѣній торгьму. Послѣднему было особое много дѣла. Администрация, выходя изъ города, передала милиціи чѣсколькосотъ арестантовъ. Такъ какъ не было средствъ, чтобы вернуть ихъ владельцамъ, часть ихъ освободили, вполно подслѣдственныхъ, обвиняемыхъ въ незначительныхъ преступкахъ. Убыли, однако скоро возобновились арестантскими вновь. Все время въ лодзянской торгьмѣ совержалось отъ 250-ти до 300 арестантовъ.

Наконецъ, та же милиція вела все городское хозяйство, между прочимъ надо было справиться извозчимъ безработныхъ, которыхъ, въ дни закрытія фабрикъ и заводовъ, было около 163,000 человекъ. На помощь имъ былъ обращенъ въ 10% отъ ихъ заработка съ получасовыхъ работъ. Комитеты милиціи заботились и дѣльно: женатому—по 1 р. 50 коп. семейной женщины по 1 р. 30 коп. холостому—по 1 руб. Кромѣ того была организована дешевая продажа хлеба и угля.

Нѣмцы, вступивъ въ Лодзь, санкціонировали установленныя порядки в-

Было бы однако ошибочно думать, что жизнь въ Лодзи «при нѣмцахъ» текла безо всякихъ треній и терній. Напротивъ, и лодзянамъ довелось пережить немало невзгодъ. Если не хочется упоминать о нихъ на первомъ мѣстѣ, то только по сравненію съ тѣми ужасами, какимъ подверглись калишане и жители Ченстохова.

Демонстративно проявляя свою корректность по отношенію къ самимъ лодзянамъ, нѣмцы иначе держали себя въ окрестностяхъ города. Щадя частную собственность, они не церемонились съ государственнымъ и общественнымъ имуществомъ. Зданіе Государственнаго банка было разгромлено и всячески «испачкано» (не нахожу другаго выраженія). Разгромлены были и помѣщенія другихъ банковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что гдѣ-то въ нихъ спрятали, въ потаешномъ мѣстѣ, миллионы рублей. Разыскивая этотъ миллионъ, нѣмцы отбивали штукатурку стѣнъ и ломали полы. Основательно была разрушена желѣзная дорога. Рядъ станцій сожженъ до-тла. Общественный комитетъ съ трудомъ упрощалъ нѣмцевъ, чтобы зданія станицы Каролевъ были не сожжены, а предоставлены ему на топливо, въ которомъ городъ сильно нуждался. Подъ Лодзь было безпощадно опустошено нѣскольکو прекрасныхъ имѣній. Нѣмцы вырубали въоквыя деревья, разрушали оранжереи, жгли мосты и постройки.

Если соединить въ одно дѣло всѣ тѣ условія жизни, при которыхъ пришлось лодзянамъ провести три недѣли «при нѣмцахъ», съяснить понятнымъ, почему о нихъ вспоминаютъ съ настоящимъ ужасомъ. По улицамъ шогляли наденные нѣмецкіе офицеры; они же заходили въ кафе и рестораны. Нѣмецкія газеты, продававшіяся на всѣхъ перекресткахъ, твердили о германскихъ побѣдахъ. На уличныхъ столбахъ афиши съ нѣмецкимъ переводомъ настойчиво напоминали о господствѣ въ городѣ неприятеля. А въ то же время въ городѣ росла армія безработныхъ, увеличивалась жорговизна, все опутительнѣе становилась недостаткомъ многихъ необходимыхъ продуктовъ...

Нѣкоторые лодзяне говорили мнѣ, что въ нѣмцы евре я они пре и ч тали не выходить изъ дому. Видъ роднаго города, занятаго врагомъ, быть имъ нестерпимъ. Одна барышня, съ которой мнѣ случилось бесѣдовать, провела всѣ 20 дней «при нѣмцахъ» въ своей комнатѣ. Всегда людная Петровская улица опустѣла, и на ней видны были почти исключительно нѣмецкіе мундшеры. Лодзяне съ каждымъ днемъ все гонимѣнѣе и томительнѣе ждали часа своего освобожденія... Но этотъ часъ былъ недалекъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Валерій Брюсовъ,
Варшава, 25-го октября